

сяч арабов, снабженных своим обычным оружием — копьём. Наша же конница состояла всего из 374 человек, не считая египтян, людей слабых и ничтожных, которые более мешали, нежели приносили пользу. Сверх того, у наших были легковооруженные всадники, пазываемые туркополами, но сколько их было, не знаем; слышали же мы от многих, что они в день той великой битвы большей частью оставались бесполезны. Когда наши узнали о близости неприятеля и неприятель провсдал о прибытии наших, полки были расставлены в надлежащий порядок, люди, более опытные в военном деле, увещевали других, давали наставления новичкам и старались, напоминая о победе и бессмертной славе, разжечь сердца своих сподвижников. Место, где должно было произойти сражение, находилось на границе степей и обработанной земли и было весьма перовпо: песчаные холмы и долины перерезывали его, так что нельзя было заметить ни наступавших, ни отступавших. Называлось же оно *Бобен*, что означает: *ворота*, ибо те холмы затрудняли проход, и отстояло на 10 миль от Ламонии, по ее названию некоторые обозначают сражение того дня. Между тем и неприятель не терял времени, и, расставив войско в боевой порядок, занял холмы справа и слева, нашим же трудно было напасть на них, ибо те холмы были круты и состояли из рассыпавшегося песка. Отряд Сиракона стоял в середине, а другие — по сторонам его. Дело пришло к тому, что вступили врукопашную, и наши, составлявшие королевское войско, бросились единодушно на отряд Сиракона, опрокинули неприятеля и разбили его. Сиракон же, преследуемый нашими, обратился в бегство. Вместе с тем Гуго Цезарский напал на отряд, предводительствуемый племянником Сиракона, *Саладином* (Salahadinus); но его не поддержали свои, и он попался в плен вместе со многими другими; еще больше было убитых. При этом пал благородный и отважный муж Евстафий Шоми из Понта. Воодушевленные счастьем такой победы, другие турецкие полки соединились вместе и, напад на ту часть наших, которой было вверено охранение обоза, рассеяли ее и побили. При этом пал

мужественный, доблестный и благородный юноша, государь Гуго из Крсоны, родом сицилиец. Когда этот отряд был рассеян и большей частью погиб, спасшиеся от меча искали спасения в бегстве. Неприятель же беспрепятственно овладел обозом и увез его с собой. Между тем разделенные отряды рассыпались там и сям по небольшим долинам, где борьба продолжалась отдельными схватками, в которых то наши, то враги одерживали верх. Таким образом, только сами принимавшие лично участие в сражении знали, как идет дело, и кроме них никто не мог ничего видеть. Битва оставалась долго нерешительной, и побеждали то одни, то другие, не зная, что происходит в других местах. Среди такого боя был тяжело ранен и наш достопочтенный брат, государь епископ Вифлеемский Радульф, занимавший место королевского канцлера, которое позже я последовал; он потерял при этом весь свой обоз. Таким образом, битва оставалась долго нерешительной, и нельзя было сказать с точностью, кто победитель. Когда день склонился к вечеру и наступившая ночь призывала рассеявшихся к отступлению, все остававшиеся на свободе поспешили к своим, и наши, отыскивая ревностно короля, сошлись с разных сторон вместе. Государь король остался победителем на том месте, где он сам сражался; другие же в различных пунктах, где они пытали свое военное счастье, имели одни удачу, другие неудачу; и никто с обеих сторон не одержал решительной победы. Король с немногими из своих отступил на одну возвышенность и, водрузив свое знамя, чтобы тем собрать рассеявшихся, ожидал их прибытия. Когда они соединились, то увидели, что неприятель, побивший и взявший в плен ту часть нашего войска, которая защищала обоз, стоял в беспорядке на двух холмах, и нашим не было другой дороги к отступлению, как между этих холмов. Построившись, они и пошли тихим шагом посреди неприятелей, стоявших справа и слева, и враги, видя такую решимость, не осмелились ничего предпринять. Так проходили они сомкнутыми рядами: храбрейшие и лучшие вооруженные окружали со всех сторон остальных; наконец они прибыли к реке и